

...пора попытать судьбу, пора поставить пьесу.

Еще бы хор... Постой, они уже поют!

В. Еращенко «Капитальный ремонт в театре»

— Нам всем не хватает чуточку безумия, как в жизни, так и в моде, — завершая пресс-конференцию для журналистов, сказала директор Театра моды Анна Кристель, молодая женщина с жестким взглядом и твердыми, словно резцом наведенными, чертами лица.

С Анной я познакомилась еще в те времена, когда она только начинала создавать свой Театр моды и ей нужна была информационная поддержка.

Поводом для сегодняшней пресс-конференции, на которую она собрала представителей СМИ, стало открытие и проведение в городе очередного не то конкурса красоты, не то фестиваля моды, признаться, я так и не поняла, в чем разница, по мне, это одно и то же, хотя, наверное, в этом вопросе я — безнадежный дилетант.

Заключительная фраза законодательницы модных тенденций понравилась журналистам, они одобрительно загомонили и так дружно принялись строчить в своих блокнотах, что я отчетливо представила завтрашние местные издания, пестреющие заголовками и на все лады варьирующие удачную фразу. Впрочем, Анна, судя по ее довольному виду, этого и добивалась.

— А по-моему, — пробормотала рядом со мной телевизионная коллега, сворачивая микрофон, — безумия в нашей жизни более чем достаточно, куда еще?

— Скорее, маразма, — возразила я. Захлопнула блокнот и, кивнув собратьям по перу, в том числе телевизионной коллеге, стала пробираться к выходу.

Маразма действительно было выше крыши. Особенно последнее время. Начиная с тупого редактора с его вечным припевом: «Придумайте то, не знаю что» и кончая бытовыми мелочами вроде крана на кухне, который взял моду включаться сам по себе, без всякого вмешательства извне. То вдруг затрясется ни с того ни с сего, возмущенно фыркая и расплескивая брызги, а то зашелестит почти бесшумно тонкой струей так доверительно и интимно, словно в кухне среди кастрюль и сковородок кто-то вздумал объясняться кому-то в любви.

Впрочем, кран — это мелочь, из разряда тех «безумств», которых, если верить модному директору Анне Кристель, нам всем не хватает. А может, это некий знак, разгадать который я не умею?

---

* Журнальный вариант.

Взяв в гардеробе свое пальто и на ходу застегивая шею шарфом, я сбежала по ступенькам на свхваченную морозным холодком дневную улицу.

— Привет, Милена, — окликнул меня фотокор Сергей Сергеев, на рысях приближаясь к Театру моды. — Уже уходишь? А я вот опоздал, как видишь.

Близорукий, в огромных очках, нетрезвый уже с раннего утра, Сергеев опаздывал на все светские мероприятия, неизменно поспевая лишь к фуршету. Бесцеремонно оттеснив пишущую братию, он с отрешенным видом приступал к работе, и через десять-пятнадцать минут несколько десятков снимков у него готово. Подцепив листок пресс-релиза, чтобы правильно обозначить мероприятие, Серега с чувством выполненного долга занимал место возле стола, поближе к бутылкам.

Впрочем, снимки у него классные.

— Наоборот, ты вовремя, фуршет вот-вот начнется.

— А ты чего? Пойдем, хлопнем по рюмашке. Слышь, Милена...

— Извини, спешу. Рада была тебя повидать.

Милена — это я. Так родители, заслуженные шестидесятники прошлого века, нарекли свое чадо в честь французской актрисы Милен Демонжо. Была такая эффектная блондинка с точеным профилем, в «Трех мушкетерах» снималась в роли злодейки миледи. Правда, Миленой меня с детства никто не называл, какая такая Милена, вы это бросьте, правильной будет Мила, Милка, Милочка...

Это потом уже, работая в газете, я стала полноправной Миленой. Ибо все эффектное, необычное работает на привлечение читателя. А интерес читателей самым непосредственным образом влияет на тираж, это приветствуется. Об этом с умным видом любит триндеть наш редактор.

Когда я пришла домой, в прихожей разрывался городской телефон, но никто не спешил на его призыв, хотя Даша была дома. За дверью ее комнаты пела и плясала Испания — слегка гортанная, знойная, со стуком кастаньет и непреодолимым стремлением к свободе.

Бросив сумку, я ринулась к трубке, но телефон тут же замолчал. Одновременно смолкла музыка в комнате дочери. Открылась дверь, оттуда вывалился сноп солнечного света, и на пороге возникла сама Дашка.

— А, это ты, — индифферентно молвила она, почесывая одной босой ногой другую. — Как прошла пресс-конференция?

— Прошла. А ты ожидала в гости испанскую королеву со свитой? Почему к телефону не подходишь?

— А-а, кому надо, пусть звонят на сотовый.

— Все музыку слушаешь?

— Да, а что?

— Напоминает этнические напевы аборигенов, нанайцев или чукчей, ты не находишь? Только «бубна дружбы» не хватает.

— Потому что кто-то слушает музыку из-за двери! — запальчиво выкрикнула Дашка.

Она закрыла за собой дверь, оставив меня в полутемной прихожей, и опять завела Испанию.

Побывав год назад в жемчужине Средиземноморья — Барселоне, как пишут в путеводителях, Дашка без памяти влюбилась в эту страну. Мост Вздохов, архитектура Гауди, пленительная мрачность Готического квартала и, наконец, сердце Барселоны — бульвар Лас-Рамблас — эти названия у нас в доме с некоторых пор произносятся вместо утренних и вечерних молитв.

— Даша, ты голодная? — спросила я, обращаясь к закрытой двери. — Разогревать обед?

В ответ — красноречивое молчание.

Меня разбудила птица. Она пела в вышине над крышей сначала негромко, как будто кто-то осторожно наливает воду в хрупкий тонкостенный сосуд с узким горлом. Но по мере наполнения сосуда звук набирал глубину и уверенность, креп, разрастался, и вот уже к нему стали присоединяться голоса других птиц. Чистые звонкие ручейки в утренней тишине сливались в ликующее многоголосье, в котором отчетливо выделялся тот неповторимый, хрустальный, единственный.

Птица пела голосом моей любимой певицы, выразительницы надежд и чаяний поколения шестидесятых, того самого, о котором теперь так любят говорить и спорить. Однако, в отличие от других его представителей, она сумела не только выстоять в вязкой духоте безвременья, но и воспеть то лучшее, что было в нем.

Непостижимо, как из факта своих выступлений актриса создает удивительно изящные по форме и глубокие по содержанию послания в Вечность, в которых и звенящая синь лета, и призрак разлуки, и любимые глаза, в которых словно отразился весь мир и растворился в пронзительной нежности.

Птица Певчая... Мне ее завещал друг, которого не стало несколько лет назад. Как выяснилось, наш с ней общий друг. На ее концертах он всегда в зале. То мелькнет где-то в проходе, а то из-за кулис выглянет. Легкая тень, одинокая, отрешенная.

...Он писал стихи, переводил греков, ставил спектакли. Последние годы жизни вернулся в родной город, где нашел дом и работу, но не обрел покоя. Талантливый, возвышенный, часто бывал унижен — обстоятельствами, людьми, явными и тайными слабостями и пороками. Мне всегда казалось, что из-за этой своей внутренней тонкости он был обречен изначально. Да, повозили его в родном отечестве все кому не лень, и повозили изрядно. «Ты был возвышен, а оказался легковесный», — признавался он в одну из грустных минут.

Встретившись за кулисами театра, мы были вместе четыре года — до его гибели. Расставались, ссорились, расходились, вновь обретали друг друга. Сейчас понимаю, что это были самые трудные, самые несчастливые, но и самые лучшие годы. Потому что все, что шло от него, шло от жизни, вот только жизни однажды ему катастрофически не хватило, и она взяла и оборвалась.

На концертах Птицы Певчей, когда она приезжает в наш город или когда я бываю в Москве, он всегда в зале. То мелькнет где-то в проходе, а то из-за кулис выглянет. Легкая тень, одинокая, отрешенная...

В кухне опять зашелестел чей-то голос, захлебывающийся, торопливый. Я вышла и подставила под струю руку. Странно. Весной и летом за моим окном вечная музыка дождя, зимой она перекликается с водой из крана, в ванной ей вторит душ. Стихия воды — моя стихия, если верить гороскопам.

Вечером раздался звонок в дверь. На пороге Аделаида, соседка, проживающая с мужем этажом ниже. Они оба большие, громогласные и громоздкие, некомфортные в общении, несколько лет воровали у нас электрическую энергию.

Соседка возникла на пороге моей квартиры, держа в руках целлофановый кулек, в котором болтался сигаретный окурочек.

— Кто у вас тут курит? — спросила она с интонацией прокурора и потрясла кульком.

Я оторопела.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Кто-то сверху бросил недокуренную сигарету, она попала на наш подоконник, окно было открыто. А на подоконнике стояла картонная коробка. Вы понимаете?

— Нет, — ответила я, твердо глядя в глаза соседки.

— Сигарета «Ява», — терпеливо разъяснила Аделаида. — Бросили сверху. Сверху вы и сосед Евгений с восьмого этажа. Я его уже допросила, он не сознается. Кто у вас живет в этой комнате? — Она ткнула пальцем в сторону моей двери.

— Ну, я, — вынуждена была сознаться. — Но я не курю «Яву». И вообще не курю, бросила.

— Я надеюсь! — с чувством выкрикнула Аделаида и опять потрясла «вещдоком». — Но может, к Даше приходят молодые люди и бросают недокуренные сигареты в окно. Можно мне с ней поговорить?

— Да нет Даши дома. И никто у нас в квартире не курит. Тем более «Яву». Не понимаю, в чем проблема, — продолжала «тупить» я.

Соседка вытаращила на меня глаза.

— Как это — в чём? Могло загореться.

— Ну, не загорелось же, — возразила я.

Аделаида чуть не задохнулась от возмущения.

— Ну, знаете! Не ожидала от вас. Я-то думала, соседи должны друг другу сочувствовать, помогать... Да и не снизу же она прилетела, сигарета, ее бросили сверху, а сверху только вы и Евгений. Я этого так не оставлю, дознаюсь, кто это сделал!

И она пошла к себе, потрясая бычком и громогласно возмущаясь. Небось, когда воровали у нас энергию, она не возмущалась. И когда верхние квартиры замерзли зимой, потому что эти двое день и ночь сливали из своей батареи горячую воду, вместо того чтобы вызвать слесаря и заменить в квартире стояк, — тоже ничего. А тут устроила мне!

С соседкой мы практически не общаемся — о чем? И вот здрасте-пожалуйста, явилась с претензиями.

А что касается окурка, то я знаю, чья это работа — Евгения, верхнего соседа. Именно он курит «Яву».

Интересно, все вышеописанное — из области маразма или безумств, которых нам так не хватает?

Кран в кухне выдал очередную порцию водных трелей. Вода забренчала по тарелке, которую я оставила в раковине, и что-то быстро-быстро наговорила, сначала веселой струйкой, потом, иссякая, редкими каплями: кап, кап. Словно телеграмму отбила, догадаться бы о чем. И снова кап, кап — так звонко, требовательно. Потом замолчала и стекла вся до последней капли.

Тогда я сказала себе: «Если сейчас не улечу отсюда куда-нибудь, хоть к черту на кулички, то пропадет мой заграничный паспорт, и я опять останусь как дура...»

И подобно Маргарите вылетела верхом на щетке из открытого окна.

Я улетала в Вербное воскресенье. Было раннее утро. Солнце после холодных дней наконец рассиялось, отражаясь в стеклах спящих домов, которые летели мне навстречу по утренним и совершенно пустым улицам.

Первый раз в жизни я пересекала границу России, и этот отрыв я ощутила почти физически — кожей.

Летела, замкнутая на самой себе, окруженная одиночеством, как доспехом, и от этого совсем спокойная. Словно тело вдруг отпустило свои вожжи (а тело всегда умнее нас) и сказала: лети и ни о чем не думай, главное, ни к чему не привязывайся. Нам всем не хватает чуточки безумия, вспомнила я слова директора Театра моды Анны Кристель.

Безумие не заставило себя ждать. Оно началось уже в аэропорту, когда, роясь в сумке в поисках телефона, чтобы позвонить Дашке, я увидела сидящую на диванчике женщину, чей профиль напомнил мне Птицу Певчую. Бред, конечно, откуда ей здесь быть, у меня просто глюки от бессонной ночи.

Я отыскала телефон, но тут из сумки выпал блокнот, мой потертый боевой товарищ с иллюстрацией коровинской «Пристани в Гурзуфе» на обложке. Продолжая нажимать на кнопки телефона, я машинально подняла блокнот и уже хотела отойти, как меня окликнули. Незнакомка, похожая на Птицу Певчую, но не Птица же, в самом деле, так не бывает, протягивала мне фотографию, выпавшую из блокнота.

— Вы уронили, — произнесла она тихим голосом, не отрывая взгляда от фотографии. Это была карточка друга, на которой он, молодой, беспечный, был снят в саду возле цветущей груши, я всегда ношу ее с собой, спрятав между страницами рабочего блокнота, как оберег.

— Спасибо, — пробормотала я, пряча фото обратно в блокнот, и тут мы встретились с ней глазами. Это не может быть она, твердо решила я. Просто похожа.

В самолете Птица сидела через проход от меня в обществе милой семейной пары. Муж и жена, чем-то смахивающие на состоятельных шестидесятников (не знаю, бывают ли такие?), заботливо ее опекали, стараясь предупредить каждое желание. Она мягко, со сдержанной улыбкой, благодарила.

Господи, да быть этого не может! Откуда она здесь?

Я ревниво оглядела людей в салоне самолета. Разношерстная компания, жаждающая тепла, моря и отдыха, все расслаблены, беспечны, кто-то уже успел переодеться в сандалии и шорты. И вдруг среди пестрого потока пассажиров мои глаза выхватили напряженные мрачные лица людей с восточной внешностью.

Моя Дашка бы сказала: «Полный самолет террористов».

У всех четверых осторожные взгляды и вкрадчивые движения, они очень напряженные, неестественные и слишком бросаются в глаза, как плохо спрятанное оружие. И впрямь террористы, пронеслось в голове. А-а-а, догадалась я, они хотят захватить в заложники Птицу Певчую и угнать самолет. Скорей бежать, спасти, предупредить...

Тьфу, дура!

Прилетели в Бангкок под вечер воскресного дня. Кстати, долетели вполне благополучно, «террористы» мирно продряхли до самого Бангкока и теперь тарасили глаза, в которых сияло детское любопытство.

Пока получали багаж, пока рассаживались по автобусам, чтобы ехать в конечный пункт назначения — Паттайю (ударение на последнем слове), слетели легкие теплые сумерки.

Автобус мчался наперегонки с пальмами, растениями в горшках и кадках, которые тайцы обожают выставлять у порогов своих жилищ, аккуратно засеянными рисовыми полями, навесами от жары, под которыми за длинным столом располагались за вечерней трапезой семьи.

Позже с этим их обычаем — часами сидеть, расположившись среди корней деревьев близ водопада или на городском газоне, прихватив с собой корзинки с едой, — я встречалась на каждом шагу. Рядом туристы толпами ходят с фотоап-

паратами, суета, шум, но тайцы на них ноль внимания. Они здесь дома, а потому естественные, спокойные, улыбчивые, известно же: Таиланд — страна улыбок.

Птица Певчая затерялась среди этой пестрой публики. Или она со спутниками села в другой автобус, или мне, малахольной, все померещилось?

День кончался, и местные жители возвращались после выходных в город. По шоссе, обгоняя наш автобус, летели автомобили, мопеды, мотоциклы, маленькие грузовички, похожие на игрушечные. В кабинах, как изваяния, темнели неподвижные профили взрослых тайцев, сосредоточенно глядящих перед собой. А в кузове, на циновках и расстеленных одеялах, барахтались, перемещались, вертелись, как разноцветные шарики, дети, некоторые совсем маленькие. Что характерно, никто их не одергивал, не стоял над душой, мол, не балуйся, не прыгай, сиди смирно, смотри ровно.

При въезде в город на одном из перекрестков, чуть не наперерез нашему автобусу, вылетел мотоциклист. Резко притормозил и помчался параллельно нашему автобусу. На заднем сидении, обхватив парня за пояс, боком, как в седле, сидела красивая девушка. А на коленях у нее, вернее, на бедре — нет, это невероятно! — примостилась крошечная девочка в невесомом облаке белого платья. Такое впечатление, что юная мать лишь слегка придерживает дочку одной рукой, настолько непринужденна и естественна ее поза. Эльфы, бабочки, инопланетные существа... Наши в автобусе чуть шеи не свернули, провожая их глазами.

— Обратите внимание, — указывая на небольшой двухэтажный автобус с дисциплинированно сидящими пассажирами, спешили просветить нас гиды, — местное такси под названием Тук-Тук. Самый дешевый вид транспорта, между прочим. Если надо остановить его, поднимите руку. Если выйти, стукните в дощечку, впрочем, это раньше (отсюда название), теперь достаточно жестом показать водителю, чтобы остановился.

Наконец, мы въехали в Паттайю, и автобус помчался вдоль набережной, рядом с которой возвышались громады отелей.

Я знаю за собой эту особенность: где бы ни очутилась, даже в самом заштатном городишке, обязательно отыщу какой-нибудь уголок, будь то мостик над зацветшим тиной прудом, кусочек заброшенного парка, живописный тупичок в чужом дворе, которые в первые минуты восхитят или просто сведут с ума. Неважно, что через несколько дней я буду проходить мимо, не понимая, что так пленило меня в этом пейзаже? Это будет потом, завтра или через час, а в первый миг знакомства я пылко влюбляюсь в новые места.

Что уж говорить о Таиланде, который заинтриговал, едва мелькнув в окне автобуса, и это впечатление ничуть не потускнело в дальнейшем, наоборот, стало более глубоким.

Таиланд заманивал, завлекал, обольщал, обещал, но при этом не спешил сразу открывать все карты. Постепенно, чтобы ты вполне мог оценить предлагаемое, дарил он свои драгоценные открытия.

Едва успела заселиться в отель, как на город упала темнота, и в этой темноте, почти неслышный, пролился дождь. И сразу же нагрязнули запахи: цветения, травы, земли, другой страны. Ах, хорошо!

Но дождь налетел и тут же закончился. Это был единственный дождь за все десять дней, пока я там была.

Когда спустя некоторое время я вышла из отеля, чтобы купить фруктов, то замерла под цветущим белыми цветами деревом. Тепло, обволакивающее с ног до головы, показалось невесомой легчайшей тканью, расшитой восточными узорами, которую мне накинули на плечи.

В номере, поедая спелый плод папайи и ложкой выбирая из сердцевины маленькие черные, похожие на блестящие пуговицы косточки, я полистала путеводитель и узнала, что город возник всего пятьдесят лет назад на месте простой рыбацкой деревни, которую американские солдаты во время войны сделали своей базой отдыха.

Кстати, «Паттайя» в переводе означает «ветер, дующий с северо-запада на юго-восток во время сезона дождей» (или наоборот?). Я обратила внимание, что у тайцев вообще названия очень длинные и поэтичные до ужаса. Кстати, с ветром это они промахнулись. Кроме кондиционера, ветров там я как-то не почувствовала, они, видимо, летали в это время в иных широтах.

В моем номере, расположенном на двадцатом этаже, вместо стен — большие окна от пола до потолка, наполовину забранные позолоченными узорными решетками. Ложась спать, я не стала задергивать тяжелые шторы, чтобы ночью прямо с кровати любоваться огнями города, который лежал у моих ног, светясь и переливаясь под совершенно тихим и величественно невозмутимым небом.

Господи, где я (успела подумать я, отлетая в сон), где мои дела, недописанные статьи, великие замыслы, где дом и Россия, в конце концов?

Я проснулась, когда солнце уже заливало номер ярким светом. Свесившись с кровати, увидела далеко внизу уютный гостиничный дворик с шезлонгами, синими зонтиками и бассейном, в лазоревом цветке которого плескались чьи-то тела.

Торопливо вскочив, включила кондиционер, чтобы нагнать прохладу, и поспешила в ванную. Нечего разлеживаться, терять драгоценное время!

Приняв душ, я выхватила из шкафа белую длинную юбку и бирюзовый топ, повертела в руках шляпу, отбросила ее и, захлопнув за собой дверь номера, помчалась вниз, не дожидаясь лифта.

Еще накануне я обратила внимание, до чего умело встроен в интерьеры здешний ландшафт. Вот и гостиничный вестибюль с живописной горкой камней, земляным полом и расщелиной в стене наподобие ниши, наверное, часть пещеры или грота, в котором чья-то заботливая рука развесила цветные фонарики. Их мягкий рассеянный свет придавал «пещере» атмосферу домашнего уюта, располагающую к уединению. Сразу захотелось присесть за белый столик, помечтать возле воды, покурить или выпить чашечку кофе.

Я прошла мимо ресепшен в глубину вестибюля, и передо мной открылся сад с прудом и мостиком через него. Длинные, как уши, узкие листья какого-то растения свешивались к воде, придавая ей густой маслянистый оттенок. На одном таком листе сидела лягушка, она раздувалась и опадала, бессмысленно тараща глаза. Уж не та ли это лягушка — из детской сказки?

Я потянулась за фотоаппаратом, но стоило мне поймать зеленую «модель» в кадр, как лягушка скакнула прочь и исчезла из поля видимости.

«Эй, стой, ты куда?» — громко сказала я ей вслед и вдруг услышала чьи-то шаги. Оглянулась — Птица Певчая. Она возникла на мостике так, словно только что сбросила лягушечью шкуру и превратилась в красавицу. Вот так в театре, на сцене происходят чудесные превращения.

В длинном свободном платье Птица Певчая, наклонившись над прудом, бросала в воду кусочки хлеба. К ней подплывали рыбы, смотрели доверчиво и, разевая рты, жадно хватали лакомства. Большие гладкие карпы.

Мы с Птицей издалека молча поклонились друг другу, и я поспешила убраться, чтобы не нарушать ее уединения. Ах, дело не в красоте, думала я, отцепляя от юбки какую-то колночку, а в том, что она прекрасна, даже когда позволяет себе быть некрасивой, усталой или сердитой. Прекрасна!

Отряхнув юбку, я не выдержала и оглянулась. Птица стояла на мостике и внимательно смотрела мне вслед. Встретив мой взгляд, не смутилась, не отвела торопливо глаз, просто спокойно вернулась к своему занятию.

Во время завтрака на белой мраморной террасе, ступенями уходящей к бассейну, мне послышался чей-то голос, упорно зовущий к себе. Смутный, неясный, как любовный шепот, но достаточно красноречивый.

То был голос Моря.

...Широкая чаша Сиамского залива, до краев наполненная голубой шелковистой влагой, — уж не тот ли это «залив счастья», который в детстве я любила наблюдать из окна своей комнаты, опасно свесившись с седьмого этажа и болтая ногами. Тогда город не был так плотно застроен, как сейчас, и из окна открывалась широкая панорама, которая охватывала и кусочек реки, и верхушки тополей, и сопки, то сиреневые, то бледно-голубые, то розовые... Сопки располагались далеко за рекой, но линии горизонта сходились таким образом, что точка их соприкосновения создавала эффект залива. Вода в «заливе» переливалась на закате всеми цветами, от бирюзового до золотого, и нестерпимо блестела.

Ветер, залетавший в окно с бульвара, вселял в сердце непонятную тревогу. Казалось, еще немного, только дать волю воображению, и знакомый вид из окна обернется цветущим приморским городом из белого камня, в котором растут пальмы, сияют рекламы, а от берега отплывает лодка с ловцами жемчуга.

Откуда мне было знать, что призрак «залива счастья» в моем окне спустя почти полвека обернется конкретным заливом — Сиамским!

И эти узенькие улочки Паттайи, и ледяной кокос в теплом море, и весь город, похожий на пирог, нарезанный ломтями, с улыбочивыми жителями, удивительной природой, каналами, почти венецианскими, обилием и яркостью фруктов!

А маленькие юркие ящерицы, стремительными снарядами пробегающие по стенам гостиницы на реке Квай, где мы сплавливались на лодках! А садовая мебель, сотворенная из удивительного тикового дерева, такого теплого и пластичного, что стоило только присесть на скамью или в просторное кресло, как казалось, что они начинают принимать форму твоего тела. Из этого дерева мастера не только мебель вырезают, но и картины, а также различную скульптуру, фигурки, сувениры.

И если уж на ум пришла фантазия сравнивать город с пирогом, то надо добавить, что каждый кусок этого пирога имеет свой вкус и начинку. При этом никакой эклектики.

Я думаю, что здешняя природа, которая вторгается в окружающую жизнь, сама заботится о том, чтобы в этой кучности каждая толика пространства, гармонично пригнанная одна к другой, воспринималась как единый ансамбль. В этом ансамбле даже «неправильность» смотрится как пикантное дополнение, без которого невозможно целое.

В течение дня море в городе несколько раз откатывалось далеко-далеко от берега, потом вновь возвращалось, теплое, чистое, ласковое. Ластилось к ногам, вымывая песок из-под пальцев, окатывало соленой волной. Море...

Сколько дней я уже в Таиланде? Три, четыре? А между тем ощущаю себя чуть ли не аборигеном здешних мест. Когда вновь прибывшие обращаются с каким-нибудь вопросом, в основном это касается обмена денег (долларов и евро) на тайские баты, я свободно, с широким жестом экскурсовода, повествую: «В конце улицы, видите, вон, справа, зелененький домик — это и есть обменный пункт».

Сегодня в лифте две тетки из России спросили, нравится ли мне здесь. Предугадывая дальнейшее содержание беседы, сдержанно ответила, что да, весьма, очень. Они сразу скисли и стали мямлить, что, мол, им многое «не глянется» в Паттае — грязно, скучно, еда какая-то сомнительная, в море мусор плавает.

Ну что им возразить! Что на своих сотках где-нибудь в Гаровке они смотрелись бы уместнее? Это и так ясно. А что мусор в море плавает и грязь на улицах, так это сами туристы, львиная доля которых составляют соотечественники, «стараяются». Я вообще поражаюсь, как справляется город с этим сумасшедшим потоком туристов, понаехавших в погоне за экзотикой со всех уголков России на эту благоговенную землю.

Когда по утрам выхожу из гостиницы, вижу, как тайцы мусор мешками собирают и складывают у обочины. За нами, между прочим, метут, чистят и убирают.

Зато рано утром, пока туристы очухиваются от ночной жизни, море чистое и прозрачное. Песок тщательно «расчесан» граблями, блестит, золотится. Зонтики и шезлонги еще не расставлены, тоже отдыхают в сторонке в ожидании «гостей города».

Между прочим, тех двух теток из лифта я увидела в гостинице спустя несколько дней, они выходили из своего номера с теми же безрадостными лицами. Картина, представшая на миг через открывшуюся дверь, тоже была из разряда «этих русских»: протянутая через весь номер веревка, на которой сушились развешенные вещи. Это что, тоска по коммуналке?

Господи, ну зачем этим людям путешествия, зачем селиться в элегантных и чистых отелях. Вот тоска!

Меня там называли «мадам». Зазывали, приглашая отведать в уличных кафе то одно блюдо, то другое. Набегавшись по городу, «мадам» усаживалась под навес, заказывала суп из морепродуктов, рис с овощами, жареные бананы — все вкусное, необычное, приправленное какими-то травками и корешками, с изумительным вкусом и запахом. Порции большие, но никакой тяжести в желудке не ощущалось, напротив, легкость, подъем.

И буквально во всем: убранстве помещений и витрин, многочисленных водопадах, парковых аллеях, водоемах, всегда полных свежих лепестков — восточная утонченность и загадочность. В некоторых местах растут деревья (названия их я не запомнила), с веток которых почти до земли свешиваются тонкие, как паутина, «косы», от этого дерева кажутся колеблющимися, словно призывающими посидеть под их ветками, полюбоваться сквозь листву на небо.

Но сидеть было решительно некогда. «Ни дня без впечатлений» — видимо, таким девизом руководствовались турфирмы, с первого дня предлагая столь обширный комплекс услуг и экскурсий, развлекательных, познавательных, экзотических, экстремальных, что голова шла кругом.

Магазины, дворцы, храмы с золотыми богами, сказочно изукрашенные «домики для духов», встречающиеся на каждом шагу (у тайцев нет разницы между умершими и живыми), белый песок, зеленые бухты. И тут же нищета бедных старых кварталов, мимо которых мы проплывали на перистой лодочке...

Вот небоскребы Бангкока с желтыми металлическими шарами на крышах. В ресторане одного такого здания мы пообедали, созерцая с высоты птичьего полета город, пересеченный мощными стальными автострадами. Смотровая площадка слегка вращалась, и можно было фотографировать, не сходя с места.

Плавающие рынки, с которых разноцветные торговцы махали руками и предлагали «просто даром» купить все, что душе угодно, — от изящных безделушек в

виде шкатулочек и бумажных рамок и альбомов до кофе, чая, палантинов и обуви. Неважно, что запрашиваемая ими цена оказывалась втридорога против истинной стоимости, главное, веселый азарт, неутомимость, театральность, с какими обставлялась торговля.

Затхлые, исшарканные ногами туристов до дыр пещеры со следами веника, осыпающиеся, когда к ним прикоснешься рукой. Высохшие гроты, запутанные лабиринты подземелий. Парк кактусов...

Жара, влажный воздух, пряные испарения, поднимающиеся от растений. Даже близ воды ни ветерка, ни свежести.

Кажется, все, не хочу больше экскурсий, поездок, паломничества в храмы и в экзотические торговые лавки. Только льдинки в запотевшем стакане, океанская впадина, вымороженное кондиционером нутро автобуса — царство Снежной королевы.

Однако, созерцая в очередном храме очередное «божество», мы встрепенулись, когда гид предложил желающим посетить — «тут, неподалечку» — древнее поселение, где можно познакомиться с долгожителем-монахом, отдыхающим под навесом. По словам гида, монах сидит так бог знает сколько времени, не ест, не пьет, только медитирует, и ничего ему не делается. Он, мол, живой, не думайте, вот приглядитесь и увидите.

У всех вытянулись лица. Забыв про кондиционер, мы побежали по жаре смотреть на диковинку и разом затихли, очутившись перед необычным зрелищем. Действительно, монах с желтым лицом, лысым черепом и потусторонним взглядом поверх голов.

— Муляж, — пробормотала я себе под нос, но на всякий случай все же отошла подальше.

Но гид услышал и посмотрел на меня с укоризной, еще бы, такой аттракцион я ему испортила.

— Эх, ну что же вы? Догадались, ну и промолчали бы...

Все облегченно вздохнули, задвигались, повеселели и деловито защелкали фотоаппаратами. Самые прыткие поспешили сняться рядом с неплохо сохранившимся гражданином. На память.

Разумеется, некоторые забавы из обширного перечня культурно-развлекательной программы, как то: «полет гиббона» или ему подобное, я благоразумно пропустила. Но в путешествие на горную речку Квай согласилась без колебаний, уж очень понравилось, как это мероприятие было обозначено: «Сплав по реке».

Пока группа, собравшись на берегу, с гомоном примеряла спасательные жилеты, появился наш гид Антон (кстати, гидами там имеют право работать только россияне, таков порядок, несмотря на нехватку рабочих мест у местного населения). Высокий, тонкий, загорелый, он, негромко переговариваясь с проводником, многоопытным глазом оглядывал группу. Для него нынешнее мероприятие — это просто трюк, хорошо отработанный, сотни раз отрепетированный, проверенный и предсказуемый до мелочей.

Представляю, как надоело ему смотреть на «этих туристов», которые сначала бестолково мечутся вокруг лодки, потом, усевшись на указанное место, перевешиваются через край так, что проводник едва удерживает равновесие. А во время сплава некоторые, щелкая фотоаппаратом, норовят подняться в лодке в полный рост. Не понимают, идиоты, что это категорически запрещено, ибо лодка может накрениться и зачерпнуть воды или вовсе перевернуться.

Наконец все благополучно расселись, угомонились, поплыли. Берега мелькают, ветер в лицо, от реки прохлада — все нормально, все хорошо!

На середине реки по знаку проводника лодка остановилась, и пассажиры, упакованные в спасательные жилеты, в порядке живой очереди стали прыгать в речку. Снова визг, вытаращенные глаза, лица, облепленные волосами, открытые рты — зрелище не для слабонервных.

Когда вынырнули, река сама понесла по течению. Вот он, кайф, расслабуха, то самое, ради чего собственно и затеяно мероприятие! Все счастливы, довольны, чуть не песни орут.

...Подхваченная течением, я лежу на воде, едва шевеля руками. Плывет река, плывут облака, небо, плывут кусты по берегам.

Я вдруг почувствовала необыкновенную полноту жизни — пронзительный миг, когда ты и окружающий мир сливаются в гармонии единой. Такие минуты редки, переживаются остро, запоминаются надолго. Про них, наверное, можно сказать — счастье. Но, суетные, недальновидные, мы почему-то привыкли думать о счастье как о чем-то недостижимом, что надо долго разыскивать за семью морями в каком-нибудь тридевятом царстве-государстве, износив не одну пару обуви, и не факт, что отыщешь.

А оно, оказывается, живет на соседней улице и каждое утро поджидает тебя у ворот.

Жизнь — как река, что упруго перекачивается сейчас подо мной, такая же полноводная, быстрая, проходящая и все же бесконечная, с острыми рифами, отмелями, крутыми берегами. Ее не бывает много, и сколько бы лет мы ни прожили, никогда до конца не насладимся ею и не скажем: «Хватит». Кажется, она будет всегда, как этот сияющий горячий полдень на горной реке, который неспешно и щедро вызревает в самом сердце лета — вдали от дома, в чужом королевстве, расположенном на восточном побережье Сиамского залива.

Заметив, что меня начинает относить к кустам, я переворачиваюсь в воде и начинаю энергично работать руками и ногами, не то действительно утащит в заросли, выбирайся потом.

Мимо проносится лодка с гидом и проводником, они возвращаются назад, чтобы встретить группу на берегу.

— Все в порядке? — кричит Антон. Его светлые глаза на загорелом лице сияют, как морские камешки. — До встречи на берегу!

Я машу ему вслед.

Между прочим, я здесь развлекаюсь, купаюсь в теплом море, приумножаю свои впечатления, а в России готовятся праздновать Пасху. Пекут куличи, освящают их в церкви, где горят разноцветные тонкие свечи и плывет запах ладана. В домах все убирают, чистят, украшают.

Позвонила Дашка.

— Слушай, ты не помнишь, где у нас дома мука? — спросила она будничным голосом, в котором слышалась бесконечная забота о насущном. — Хочу испечь кулич и расписать яйца.

— А ты яйца купить не забыла, с тебя станется... Ну, молодец. Кстати, с Пасхой тебя!

— Ой, да! Тебя тоже.

— Меня — скорее с Тайским Новым годом!

— Что за диковинка?

— Это когда водой обливают друг друга и глиной мажут.

— Зачем?

— Долго рассказывать. Короче, обряд такой. У них он, как у нас Пасха: исчисляется по лунному календарю, один год в июне празднуется, другой в апреле. Вот нынче мы и попали. К тому же у них Новый год длится несколько дней, сегодня только начало.

— О, как оказывается много общего у наших народов, — оживилась ребенок Дашка. — У нас ведь тоже половина января идет на отходняк!

— В самый апогей вода просто заливает город, — пропуская мимо ушей ее реплику, продолжала я.

— Вода-то хоть чистая?

— Ой, господи, Дашка, мне кажется, это та самая вода, что постоянно льется из нашего крана.

— Круто! Ну ладно, счастливо тебе встретить тайский праздник, повеселиться там и прочее, а у нас, как говорится, своя Пасха. Так ты не ответила: где мука?

Тайский Новый год называется Сонгкран. Это одна из народных забав, до которых так охочи жители Таиланда. У них вообще любое явление природы, будь то начало сезона дождей или его окончание, цветение какого-нибудь диковинного цветка или день рождения короля, очередного Рамы, повод устроить великие Дионисии во славу события. А уж тайский Новый год, главная особенность которого — благословение водой, превращается в неистовые народные гуляния, растянувшиеся на несколько дней. То есть пока всех до одного в городе не обольют с ног до головы, не успокоятся.

При этом мажут друг друга — лицо, руки — белой глиной, якобы от злых духов. Считается, что и облитый и обливаемый будут счастливы в году, если поучаствуют в этом обряде. Поэтому воды не жалеют, и если кто думает, что останется сухим в течение дня, то ошибается. И не вздумайте с ними драться, предупреждали нас, обиди! Лучше улыбнитесь в ответ.

Молодые ребята из нашей группы, чтобы не искушать судьбу, сразу нарядились в шорты, купили игрушечные пластмассовые пистолеты и вышли на тропу праздника, чтобы принять в этом безумии посильное участие.

Шланги с водой, разноцветные пластмассовые тазы и ведра, оглушительный хохот, по звукам которого легко догадаться, где сейчас проходит очередная водная процедура — за углом или на соседней улице. Больше всего, конечно, достается туристам, но не пропускают тайцы и друг друга.

Вот подкатил и прочно встал в пробке парень на мотоцикле. Со взглядом, устремленным вперед, он неподвижно сидит за рулем своего железного коня и не замечает, как с тротуара, с ведром воды в руках, к нему крадется длинноволосая девушка. Сама мокрая с ног до головы, она опрокидывает ведро над головой мотоциклиста, и только собирается расхохотаться на всю улицу, уже набрала в легкие воздуха, как тут же получает в ответ свою порцию воды — от другого парня, который крался за ней, шаг в шаг, в ожидании удобного случая.

Что тут поднялось! Они так хохотали и кричали, что казалось, весь город встал на уши, а небо повернулось вертикально к морю. А мотоциклист даже не шелохнулся, ни один мускул в его лице не дрогнул — ни досады, ни улыбки. Восток, одним словом.

Я тоже приняла участие в водной феерии: хохотала до упаду, когда меня окатили из шланга, а моя новая туника, прилипнув к белоснежным шортам, оставила на них зеленые разводы. «Ха-ха-ха!» — жизнерадостно несло со всех сторон. Я внутренне ахнула, но тут же махнула на все рукой: «Пустьяки, где наша не пропадала! Не в номере же отсиживаться, в самом деле. Сейчас забежать в отель переодеться и снова в народ!»

Обалдевшая от всеобщего веселья и хохота, я вспомнила все дожди в своем родном городе, когда летом и осенью на ночных крышах и балконах начинается подобная вакханалия, не дающая сомкнуть глаз. Медь, литавры, вот где-то высоко-высоко взлетели скрипичные, и вдруг чья-то мощная рука ударила в барабан. Бабах! Бух! И снова: бух, бух!

Мне показалось, что из одного безумия, российского, я попала в другое. Мокрая, хохочущая — рот до ушей, щеки в глине, — я шла туда, где раздавались новые взрывы смеха и визг.

Уже было далеко за полночь, когда праздник пошел на спад. Улицы, хорошо знакомые при дневном свете, вдруг преобразились, и вскоре я уже не понимала, где иду и в какой стороне расположен мой отель. На всякий случай держалась бережной, она была моим ориентиром. Но места по-прежнему не узнавала.

Заблудилась, что ли, подумала я, но вместо тревоги ощутила непонятное ликование. Заплутать ночью в маленьком тайландском курортном городке — это все равно, что добавить приправу к основному блюду, чтобы острее ощутить его вкус.

Постепенно кругом стало совсем безлюдно. Но я, как тот пьяница, никак не могла и не хотела остановиться. Чувствуя слитность с воздухом, небом, водой, песком, я захотела раствориться в этой ночи совсем, без остатка.

Море было рядом, рукой подать. Бросив на песок босоножки и сумку, как была, в сарафане, с растрепанными волосами, я направилась к воде.

Я шла по песку долго — вероятно, опять был отлив, к тому же темно. Наконец погрузилась в прохладное, блаженное. Вот оно, еще немного, и я превращусь в волну, стану пеной морской, как Русалочка из сказки Андерсена.

И вдруг провалилась с головой куда-то во мрак. Не успев ничего сообразить, почувствовала, как меня подхватило и понесло в темноту, глубину. Господи, я же плаваю, как топор, успела подумать я, отчаянно барахтаясь в воде, и на мне нет спасательного жилета. Где я, где берег, где огни города? Ничего я не видела перед собой, только волны и ночь.

Паника, беззвучный вопль, когда поняла, что меня неотвратно тащит и несет в никуда. Ослепшая, я крутилась, била в воде руками, и вдруг перед глазами замелькали цветные видения — зеленая трава, желтый песок, белый пароход... Мы плывем по океану на белоснежном лайнере, под нами зеленая толща воды, в лицо бьет вкусный соленый ветер.

Мгновения жизни, как кадры киноленты, пронеслись в сознании, как яркие всполохи.

Ах, где те дельфины, что сопровождали наш теплоход, пусть они спасут меня, я еще не все дела завершила, Даша одна останется, жалко...

Я совершенно выдохлась и устала, дыхание сбилось, мысли потекли вялые, равнодушные. Захотелось опустить руки, лечь на мягкое дно и спать, спать. Вдруг ступней я нащупала что-то твердое. О, боже! Неужели? Я встрепенулась, дно опять ускользнуло, но этого мгновения было достаточно, чтобы собраться с мыслями. Главное — успокоиться, внушала я себе, меня не могло отнести далеко, надо только еще раз попытаться нащупать спасительную твердь, она где-то рядом.

Но все напрасно. Тьма, вода, бездна. Без дна...

Устав бороться, я отдалась на волю Провидения, как вдруг двумя ногами встала на песок, даже показалось, что сквозь толщу воды над головой блеснул свет. Собрав все силы, я оттолкнулась и пошла вверх. Вынырнула, в легкие хлынул воздух, перед глазами вспыхнули огни города, в крошечной тьме возникли очертания пляжа... Очевидно, я попала в яму. А может, начался прилив?

...Когда, шатаясь и тяжело дыша, с безумными глазами, я вышла в облепившем меня сарафане из воды, то увидела на берегу темный силуэт человека, почти сливающийся с ночью. Князь тьмы, подумала я отрешенно.

Человек стоял возле моих босоножек и вглядывался в темноту. Увидев меня, что-то заговорил, быстро, певуче, тревожно, указывая то на мои вещи, то на море. Интонация была вопросительной, я тупо кивнула, не в силах говорить. Тогда он потрепал меня по плечу и ушел, растворился, как не было.

Вернулась в отель под утро. Оказывается, блуждая по городу, я действительно ушла далеко. Только в ранних рассветных сумерках сумела кое-как сориентироваться и добрести наконец до места. Я так устала, что еле переставляла ноги. Но из вестибюля пошла почему-то не к себе на этаж, а в зимний сад.

В саду под деревом с развесистой кроной стояла Птица Певчая и слушала пенье какой-то невидимой в листве бессонной птахи. Прислушиваясь к ее руладам, актриса, вторя, воспроизводила их своим голосом. Голос то взлетал к верхам, тоненький, по-детски беспомощный, кажется, сейчас прервется, то оседал на низких нотах, волнующий, страстный. Даже невидимая пичужка после каждого ее пассажа в изумлении замолкала, прежде чем начать выводить очередное звонкое коленце.

Так они перекликались в саду, человеческий голос и голос невидимой птахи. Янтарное ожерелье на шее у Птицы Певчей переливалось от дыхания, как будто золотые капельки стекали по коже и застревали между ключицами. Разбуженные карпы подплывали к краю водоема, тоже требовали внимания к себе.

— Уроки мастерства... А меня возьмете в ученицы? — произнесла я непослушными губами.

Птица Певчая оглянулась и всплеснула руками.

— О, надеюсь, это не мы разбудили вас своим пением? Так и гостиницу переполошить недолго.

— Нет, гостиница спит. Это я... с праздника возвращаюсь.

Она внимательно меня оглядела: измятый сарафан, волосы сосульками, взгляд дикий, ноги в песке.

— Я так и подумала...

Мы помолчали, не отрывая глаз друг от друга.

— А как же вам-то, — наконец проговорила я, — удалось среди всемирного этого потопа пройти, не замочив даже туфельек?

Она улыбнулась.

— Я прошла между ливнями.

И после паузы, продолжая внимательно вглядываться в меня, спросила:

— С вами все в порядке?

— Д-да... — Голос мой был хриплый и какой-то чужой. — Нет, правда, возьмите, а? В ученицы...

Мне казалось, что с меня ручьями стекает вода, хотя на самом деле, пока я добралась до гостиницы, платье почти высохло. Это стекал мой страх.

— Вы уверены, что в порядке?

— Теперь уже да, — переведя дыхание, произнесла я и наконец поверила в то, что настанет день и меня разбудит солнце.

Вот и подошли к концу мои нечаянные каникулы. Завтра улетаю домой. Осталось только пробежаться напоследок по магазинам, купить сувениры, подарки — и все.

...Я увидела его в детском отделе нового современного супермаркета. Рыжий, словно его окунули в морковное пюре, одетый в красную с белым куртку на пу-

говнице, черные башмаки, полосатые штаны и с барабаном на пузе, он держал в руках золоченые палочки и улыбался вовсю. Клоун. Никитка.

Присев на корточки возле большой корзины с игрушками, я осторожно извлекла его на свет и внимательно рассмотрела. О, да клоун, оказывается, с сюрпризом: если дернуть за шнурок, прикрепленный к туловищу, он ударяет в барабан и подпрыгивает, смешно вскидывая ноги. Да ради одной этой встречи стоило приехать в Таиланд.

Улыбаясь раскрашенному деревянному человечку, я вдруг поверх его головы увидела Птицу Певчую. Сияя чудесной улыбкой, она не просто смотрела на клоуна в моих руках, она его оглядывала, словно примеряла к себе, удивляясь и радуясь чему-то. Завороженно глядя на нее, я протянула ей Никитку.

— Вам нравится? Возьмите...

Но она, продолжая улыбаться, покачала головой.

— Нет, нет, оставьте себе.

Уже уходя, обернулась через плечо и произнесла загадочную фразу:

— Обещайте не расставаться с клоуном в душе. Никогда-никогда...

И исчезла в обществе тех двоих, что летели с ней в самолете.

На обратном пути никого из них на борту самолета не было. Может, они возвращались другим рейсом?

Где она теперь, Птица Певчая, неожиданный мой талисман, чем занимается, кто ей целует пальцы?

Поздно вечером, уже дома, устроившись на диване под теплым пледом, я услышала звон своего мобильного, забытого в кресле.

— Здравствуйте, я по объявлению, — произнес энергичный мужской голос, когда я извлекла телефон из-под вороха вещей, — насчет пистолета. Скажите, пистолет еще не купили? Если нет, то я бы хотел...

Сон мгновенно улетучился. Интересно, подумала я, что сие означает? Неужели это очередной маразм, чтобы я окончательно убедилась, что вернулась в родные пенаты?

А может быть, страшусь произнести, это начало нового сюжета?

